

И.Б. Дмитриев

История различения *открытое/закрытое*
в современной теории:
Никлас Луман
versus спекулятивный реализм

В статье исследуется эволюция смысла различения открытое/закрытое в современной теории, начиная с введения понятия открытой системы, через концептуальное новшество Н. Лумана касательно оперативно-закрытых систем, вплоть до современных дискуссий в связи с декларациями движения спекулятивного реализма. Раскрывается глубинный аспект полемики спекулятивных реалистов с так называемым корреляционизмом посредством различения двух смысловых регистров, в которых функционирует различение открытого/закрытого.

Ключевые слова: Никлас Луман, Грэм Харман, теория систем, открытые системы, оперативно-закрытые системы, спекулятивный реализм, объектно-ориентированная философия, корреляционизм, конструктивизм.

Теоретическая работа на основе гипотезы *системности*, несмотря на попытки некоторых выдающихся исследователей учредить ее в дисциплинарно оформленном, унифицированном виде, на сегодняшний день ведется скорее в пределах подвижной области или направления, роднящего различные исследовательские проекты и теоретические разработки, оперирующие понятием системности¹ как несводимого (эмерджентного) качества идентичности-целостности некоторых образований, чья редукция (в терминологии Грэма Хармана – «подрыв») к составляющим элементам и конституирующим причинам влечет коллапс теоретической продуктивности, девальвацию смысла.

Однако несмотря на размытость границ и вариацию дисциплинарно-методологических образов, *история* системного теоретизирования поддается усвоению в своих основных тенденциях. В данной статье мы предлагаем проследить траекторию эволюции смысла системности, связанную с изысканиями Никласа Лумана и касающуюся различения *закрытых* и *открытых* систем.

Со времени Л. фон Берталанфи концепт открытой системы является важнейшей опорой системного мышления, служа теоретическому усвоению явлений, не вписывающихся в рамки классической энергетической картины мира, отсылающей ко второму закону термодинамики и чреватой гипотезой «тепловой смерти вселенной». Системы, демонстрирующие поведение, идущее вразрез с глобальной тенденцией роста энтропии, получают характеристику в связи с фундаментальным качеством открытости (напомним, что второй закон термодинамики сформулирован именно для закрытых систем), предполагающим обмен содержаниями (веществом, энергией) между системой и окружающей средой.

Заявившая о себе позже проблематичность, недостаточность концепта открытой системы (потребовавшая парадоксального восполнения на терминологическом уровне *оперативной закрытости*) связана, с нашей точки зрения, прежде всего с тем, что сама форма открытости, обеспечивающая соответствующие системные эффекты, отнюдь не предполагает простой противоположности представлению о закрытой, то есть изолированной от своей среды системе (как четкого замкнутого гештальта на некотором фоне), но предполагает особые условия, особые формы преобразующих обменов со средой, одновременно являющиеся условиями поддержания идентичности и целостности системы². Именно поэтому в рамках концептуального аппарата системной теории на первоначальном этапе ее становления понятие открытой системы нуждалось в дополнении со стороны таких концептов, как *гомеостаз*, *вход/выход*, *обратная связь*, наконец, *самоорганизация*.

Дело дополнительно усложнялось тем, что важнейшее понятие, воспринятое системными теоретиками из кибернетики – понятие *информации* – при всей колоссальной продуктивности обнаружило свою проблематичность с точки зрения общего, укорененного в естественнонаучной классике представления об *обмене* и *сохранении*. Однако поначалу эта проблематичность сказывалась лишь подспудно, пока в конце XX в. социолог Никлас Луман, недвусмысленно заявивший о себе как о системном теоретике, не настоял на необходимости переработки понятия самоорганизации в терминах аутопойезиса и оперативной закрытости (замкнутости). Информация, заявил Луман, в отличие от вещества, не обменивается между системой и средой, но – производится самой системой, «для» системы и «внутри» системы.

То, что в классическом системном представлении заявляло о себе как о структурах поддержания гомеостаза в условиях открытости обмену веществом и энергией со средой, в лумановской теории аутопойетических (самовоспроизводящих) систем терми-

нологически учреждается в качестве момента оперативной закрытости. Данный терминологический ход ни в коей мере не означает отказа от аргумента открытости, сформулированного классиками системного мышления. Для уяснения позиции Лумана принципиально важно провести корректное различие между аспектами смысла, в которых функционирует различение открытости/закрытости, с одной стороны, в системной классике, с другой стороны, в теории оперативно-замкнутых систем.

Комментируя свое решение, Луман говорит: «На первый взгляд это выглядит так, как будто теория открытых систем деградировала, и ученые снова вернулись к началу. Но это не так. Речь здесь идет о том, чтобы рассматривать закрытость, оперативную рекурсивность, самореференцию и циркулярность как условия открытости, т. е. задавать более конкретный вопрос: как система ссылается на саму себя? Как она может различать саму себя и окружающий мир, так чтобы посредством этого различения ее собственные операции могли соединяться друг с другом?»³.

Итак, условием самоорганизации, по Луману, является способность системы относиться к себе «вторым порядком», то есть в какой-то степени располагать доступом к феноменологии собственного отличия от среды. Начало функционирования различения система/среда в самой системе (на ее *внутренней стороне* – термин Дж. Спенсера-Брауна⁴), таким образом, совпадает с реализацией различения открытое/закрытое в пользу его второго члена. Радикальный тезис Лумана о том, что самопроизводящая система ничего не получает из окружающего мира и ничего в него не поставляет, следует, в согласии с авторами термина «аутопойезис» Ф. Варелой и У. Матураной⁵, интерпретировать в связи с четким различием между феноменологически фиксируемым качеством собственно системной определенности, связанной со способом упорядочивания протекающих в ней процессов (операций), и той «элементарной» определенностью на уровне физико-химических закономерностей, которая составляет общую материальную базу системы и ее среды. На втором уровне как раз и сказывается открытый характер системы в полном согласии с системной классикой, на первом же уровне речь идет о строгом различении того, что принадлежит системе в качестве ее собственных оперативных структур, и того, что принадлежит к порядку определенности окружающего мира. В этом смысле никакие содержания не поступают в систему извне (и соответственно не выводятся из нее), но – вырабатываются в самой системе в соответствии с имманентной логикой подсоединения состояний системы друг к другу.

«На уровне собственных операций невозможен никакой про-рыв в окружающий мир, и столь же невероятной является воз-можность того, чтобы системы окружающего мира соучаствовали бы в аутопойетических процессах оперативно замкнутой системы. Это сохраняет свою силу даже в том случае – и именно в том случае (и на эту трудную мысль, противоречащую всей теоретико-поз-навательной традиции, мы должны указать со всей категорич-ностью), – *если в этих операциях речь идет о наблюдениях или о таких операциях, аутопойезис которых требует самонаблюдения.* Наблюдения могут воздействовать только на наблюдения, они спо-собны лишь на то, чтобы одни различения трансформировались в другие различения...»⁶. – Данное положение в силу своего специ-фического общеполитического пафоса обуславливает совершенно особое место лумановской теоретической инициативы в рамках системного подхода, позволяя с полным основанием отнести ее к *конструктивистской* традиции в философии науки. Отсылка от наблюдаемого факта к «производственным» характеристикам наблюдающей инстанции составляет характерную черту, своего рода сквозной мотив исследовательских практик во второй поло-вине XX – начале XXI вв. И именно эта черта становится объектом принципиальной критики со стороны представителей философ-ского движения *спекулятивного реализма*, привлечшего внимание интеллектуалов в конце 2000-х – начале 2010-х гг. XXI в.

Виртуальную полемику между новыми реалистами и так назы-ваемыми *корреляционистами* мы и предлагаем рассмотреть в пер-спективе того, что мы опознаем в качестве второго этапа истории функционирования различения открытого/закрытого в современ-ной теории. На этом этапе нам снова предстоит провести нетриви-альное различение между различными смысловыми регистрами данного различения, на этот раз в новой плоскости.

Современная реалистическая тенденция в философии заявила о себе в формате движения спекулятивного реализма в 2007 г. При всем нескрываемом разнообразии концепций и достаточно стреми-тельно раскрывшемся потенциале взаимной критики участников, их общим источником вдохновения стала книга француза Квенти-на Мейясу «После конечности», вышедшая годом ранее. Позиция, показательно выведенная Мейясу под маркером «корреляциониз-ма», стала пунктом объединения от обратного для таких разных мыслителей, как Грэм Харман, Йен Гамильтон Грант, Рэй Брас-сье, Мануэль Деланда, Реза Негарестани и др. Всех их объеди-нило убеждение в том, что так или иначе организованная речь о «вещи в себе», об «объекте как таковом», о «великом внешнем» должна прийти на смену «философии доступа» (концептуально

возводимой к Канту), определяющей лицо современной континентальной мысли.

Корреляционизм в качестве кардинальной общей черты современной философии не только франко-германского, но и во многом англосаксонского «ареалов» нашел свое компактное определение в форме тезиса о том, что сущее не может быть непротиворечиво положено вне собственной определяющей связи с тем способом, которым оно представлено. Иными словами: «не существует X без данности самого X»⁷.

В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на тех концептуальных средствах, которыми распоряжаются неореалисты во исполнение «доступа без доступа» – спекулятивного соприкосновения с реальностью помимо корреляции. Гораздо важнее обратить внимание на специфический «освободительный» пафос, которым заряжена вся неореалистическая мысль, пафос, в соответствии с которым корреляционизм и, прежде всего, эпистемологический конструктивизм трактуются в пейоративных терминах изоляции, тавтологии, порочного круга и замкнутости, собственно *закрытости*. По мнению неореалистов, корреляционистская спекулятивная манера несовместима не только с естественнонаучной установкой на познание истины бытия реальности (позиция Мейасу), но и с общегуманитарным пафосом ирредукционизма, плюрализма и «позволения-быть» (позиция Хармана).

Под принципиальное философское подозрение попадает именно фундаментальный теоретико-методологический жест редукции, сведения смысла бытия реальных объектов к «собственным значениям» (термин, позаимствованный Луманом у Х. фон Ферстера) системных операций, отсылка от наблюдения к инстанции наблюдателя и соответствующая трактовка мира как продукта системы. На основе таких первых сближений теория оперативно-закрытых систем как будто сама спешит предстать показательно корреляционистской. Однако мы намерены аргументировать, что такой угол зрения является плодом однобокой и в конечном итоге ошибочной интерпретации лумановской онтоэпистемологической позиции.

Важнейшей, хотя, возможно, недостаточно разработанной частью лумановского учения является тема *структурных сопряжений*, определяющих уровень именно что отношений системы с ненаблюдаемым ее собственными средствами миром и образующих уровень аутопойетически невоспроизводимых условий аутопойезиса. В лумановских терминах *наблюдения* тематизация структурных сопряжений той или иной системы оказывается возможной во многом лишь за пределами смысла, производимого системой в порядке аутопойезиса, и соответственно отсылает к наблюдателю второго

порядка. Тот факт, что в рамках данной тематизации наблюдатель второго порядка лишь презентирован, но не репрезентирован, актуализирован, но не тематизирован, указывает на тот самый пункт разрыва «порочного» круга бесконечной корреляции, который актуально не может быть отмечен иначе как в форме онтологического суждения о существовании, то есть – реалистического тезиса. Именно эта базовая тетическая форма рефлексивно сказывается в фундаментальном положении лумановской теории – *системы существуют* (или, более узко: существуют аутопойетические системы), которое как таковое именно в качестве принципиального пункта теоретической сборки не подлежит редукции через отсылку к судящей инстанции (хотя и является несомненным то, что наблюдателем здесь выступает само *общество общества* – лумановская теоретическая коммуникация о коммуникации)⁸.

Такой специфически неоднородный, «параллаксный» характер лумановского способа теоретического производства (опирающийся на две фазы дискурса – фазу аутопойетизиса и фазу структурных сопряжений, которые друг в друга не переводятся, но, как и в рамках, собственно, наблюдающего самопроизводства систем, скачкообразно сменяют друг друга аналогично самим инореферентному и самореферентному оперативным режимам) указывает на необходимость ограничения смысла неореалистических притязаний – ограничения, которое мы и намерены произвести путем нового различения двух смыслов различения открытого/закрытого, один из которых мы назовем методическим, а другой, за неимением лучшего термина – «установочным».

Удобную возможность подступиться к смыслу данного различения двух различений предоставляет нам сам Грэм Харман, который указывает на принципиальную важность такого по преимуществу корреляционистского начинания, как феноменология с точки зрения его собственного становления в качестве объектно-ориентированного мыслителя.

«Хотя феноменология и призывает вернуться “к самим вещам”, как Гуссерлю, так и Хайдеггеру предъявлялись обвинения в идеализме. Последнее не столь далеко от истины, ведь оба мыслителя, кажется, пытались свести все вещи к сфере их доступности человеческим существам; а внешний людям мир играет незначительную роль в их мышлении. И все же у феноменологии имеется неоспоримый реалистический *флер* <...> В трудах Гуссерля мы обнаруживаем описания дроздов, кентавров и почтовых ящиков. Хайдеггер уделяет много внимания объектам вроде молотков или чаш <...> Из чего следует, что темы объектов и реализма не пересекаются полностью, поскольку Гуссерль и Хайдеггер исподволь сохраняют

верность объектам, несмотря на отсутствие у них полноценного реализма»⁹.

Здесь Харман с почти логической точностью указывает именно на тот пункт, в котором сказывается интересующее нас различие. То, о чем он говорит как о «полноценном» в отношении реалистической позиции, совпадает с методическим смыслом различения открытого/закрытого. В то же время дань внимания по отношению к суверенной реальности объектов феноменолог выплачивает на том самом уровне, который мы назвали «установочным». Эти два смысла различения открытого/закрытого могут быть рассмотрены как по-разному комбинирующиеся в рамках различных теоретических инициатив. Если феноменология – это методический идеализм (закрытое) плюс установочный реализм (открытое), то, например, физикализм, в соответствии со смыслом хармановского термина «подрыв» (один из характерных способов редукции, сводящий реальность объектов к реальности составляющих их материальных моментов – частиц и сил) – это методический реализм плюс установочный идеализм. Сам Харман, разумеется, стоит на том, что является реалистом в обоих смыслах, однако вовсе не очевидно, что вкратце охарактеризованный нами пафос объектной ориентации требует для своей реализации методического подкрепления.

Движение философской и общегуманитарной мысли во второй половине XX в. разворачивается в зачатку не тематизированной (однако четко прописанной у «пионеров» этого движения) области приоритетного внимания к Другому, к многообразию, к несводимому и не усваиваемому множественному. Это движение имеет как ярко выраженное политическое измерение (постколониализм, осмысление Холокоста, мультикультурализм), так и «чисто» спекулятивное (объектно-ориентированная онтология, постсоциальные исследования, «ингуманистическое просвещение»). Для всего этого движения принципиальной является установка на открытость в том смысле, которым оперирует Карл Поппер, характеризуя *открытое общество*. Одним из важнейших отличий этого смысла от смысла методического является континуальный характер функционирования интересующего нас различения. Общество, сознание, коммуникация – могут быть более или менее открытыми, внимательными, бережными в отношении того, что на их территории (внутри системы) заявляет о себе как об ином в отношении внутрисистемной определенности и к ней принципиально несводимом.

Методический же смысл функционирования различения открытого/закрытого предполагает, как представляется, его

дискретный характер (грубо говоря, мы либо интендируем объект, либо интендируем собственную интенцию объекта, третьего не дано). Хотя теоретический опыт, в частности, опыт Бруно Латура¹⁰ в области построения акторно-сетевой теории, указывает на то, что и здесь возможно дальнейшее уточнение на основе критики традиционного функционирования различения внутреннего/внешнего. Однако эта тема уже выводит нас за рамки данной статьи.

Именно дефицит строгости различения в отношении двух указанных регистров функционирования различения открытого/закрытого, как нам представляется, заставляет современных реалистов настаивать на необходимости реалистической методологии в качестве интеллектуального средства против «засилья вездесущего субъекта». Экспликация же данного различения позволяет нам продуктивно ограничить притязания спекулятивного реализма на исключительную новизну и жесткое размежевание с предшествующей эпистемологической традицией.

Итак, социальная система Лумана является открытой в классическом смысле различения открытого/закрытого, закрытой в оперативном, собственно, лумановском смысле и, наконец, она может быть более или менее открытой в выделенном нами третьем, «установочном» смысле. Разумеется, мера этой открытости определена исключительно средствами системных операций, что, с нашей точки зрения, указывает не столько на ущемление «великого внешнего» (Мейасу), сколько на не-идентичность себе самого «внутреннего», ту самую не-идентичность, которая уже была схвачена феноменологами в концепте интенциональности (как отношения к иному, чем инстанция отношения), а также принята Луманом в рамках его определения системы как границы между системой и миром¹¹ – определения, в котором логически двойится не только система, но и мир – на мир как продукт системы и как условие ее самовоспроизводства.

Примечания

¹ «Используя это выражение “общая системная теория”, мы сильно приукрашиваем факты. Собственно говоря, общей системной теории не существует. Правда, в социологической литературе на системную теорию всегда ссылались, как будто речь шла о чем-то, что существует в единственном числе, однако если приглядеться повнимательнее <...> то сложно найти соответствующий объект, соответствующую теорию». (Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. С. 42).

- ² «На уровне общего понятия системы теория открытых систем не дает ответа на вопрос о том, какого рода отношения существуют между системой и окружающим миром» (Там же. С. 47).
- ³ Там же. С. 59–60.
- ⁴ См.: Там же. С. 68–93.
- ⁵ См.: Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М., 2001. 224 с.
- ⁶ Луман Н. Общество как социальная система // Луман Н. Общество Общества: В 2 т. Т. 1. Общество как социальная система. Медиакommunikation. Эволюция. М.: Логос, 2011. С. 97.
- ⁷ «Под “корреляцией” мы имеем в виду идею, согласно которой мы всегда имеем доступ к корреляции между мышлением и бытием, и никогда к тому или другому по отдельности. В дальнейшем мы будем называть “корреляционизмом” любой способ мысли, утверждающий непреодолимый характер так определяемой корреляции» (Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. L.: Continuum, 2008. P. 13).
- ⁸ Справедливости ради стоит отметить, что некоторые приверженцы неореалистического тренда относятся к этому важному пункту теоретической инициативы Лумана с должным вниманием, в частности, объектно-ориентированный философ Леви Брайант привлекает инструментарий Лумана в качестве опоры для собственных рассуждений.
- ⁹ Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. С. 30.
- ¹⁰ Его идея «парламента вещей» является прекрасной иллюстрацией того, что политический и спекулятивный смысл различения открытого/закрытого идут рука об руку.
- ¹¹ «Само понятие *системы* обозначает различие между системой и окружающим миром» (Луман Н. Дифференциация // Луман Н. Общество общества: В 2 т. Т. 2. Дифференциация. Самоописание. М.: Логос, 2011. С. 24).